

Александр Андреев

СЕМЬ ПЯТНИЦ ФАРИСЕЯ САВЛА

Александр Андреев
Семь пятниц Фарисея Савла

«Эдитус»

2014

Андреев А. Ю.

Семь пятниц Фарисея Савла / А. Ю. Андреев — «Эдитус», 2014

Судьба автора этой вещи необычна, как сама вещь. Родился в 1952 в Москве. Вырос в филологической семье, но стал пианистом по страстной любви к музыке; однако всю жизнь не мог отделаться от природной тяги к слову. Своему немалому литературному опыту, зачатому уже от знания букв, не придавал значения и не помышлял о публикациях до той поры, пока интерес к эзотерике не приоткрыл ему захватывающих глубин Библии. Два вопроса, слившиеся в один, родили предлагаемую вниманию читателя драму. Эти вопросы: что есть Бог, и что есть человек? Живым средоточием этих вопросов избирается личность невероятной судьбы – святой апостол Павел, в юности звавшийся Савлом, известным как смертоносный враг учеников Христа. Остросюжетное сценическое действие унесет читателя в Иерусалим последних месяцев жизни Иисуса из Назарета. Люди, близко окружавшие его, предстанут не в качестве святых: автору интересен сам процесс преобразования обыкновенных людей в людей необыкновенных. Не искажая скупых евангельских сюжетов, авторский вымысел расширяет их предполагаемыми персонажами и предполагаемой правдой – ради возможности разглядеть, как может вспыхивать и разрастаться божественное пламя, тлеющее в потемках человеческой природы. Не на каждого Божий Дух обрушивается с такой мощью, как на упрямого фарисея Савла на дороге в Дамаск, но каждый может обрести в себе божественную благодать и мощь, если сильно того пожелает: такова мысль автора. И пусть не напрасно пересекает площадь храмовый стражник, непрестанно напоминая о кануне субботы, то есть о близости Бога.

© Андреев А. Ю., 2014

© Эдитус, 2014

Содержание

Действующие лица	8
Пятница первая	9
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Александр Андреев
Семь пятниц Фарисея Савла
(Сны по Евангелию от Иоанна)
Мистическая драма в семи картинах

Судьба автора этой вещи необычна, как сама вещь. Родился в 1952 в Москве. Вырос в филологической семье, но стал пианистом по страстной любви к музыке; однако всю жизнь не мог отделаться от природной тяги к слову. Своему немалому литературному опыту, зачатому уже от знания букв, не придавал значения и не помышлял о публикациях до той поры, пока интерес к эзотерике не приоткрыл ему захватывающих глубин Библии.

Два вопроса, слившиеся в один, родили предлагаемую вниманию читателя драму. Эти вопросы: что есть Бог, и что есть человек? Живым средоточием этих вопросов избирается личность невероятной судьбы – святой апостол Павел, в юности звавшийся Савлом, известным как смертоносный враг учеников Христа. Остросюжетное сценическое действие унесет читателя в Иерусалим последних месяцев жизни Иисуса из Назарета. Люди, близко окружавшие его, предстанут не в качестве святых: автору интересен сам процесс преобразования обыкновенных людей в людей необыкновенных.

Не искажая скупых евангельских сюжетов, авторский вымысел расширяет их предполагаемыми персонажами и предполагаемой правдой – ради возможности разглядеть, как может вспыхивать и разрастаться божественное пламя, тлеющее в потемках человеческой природы. Не на каждого Божий Дух обрушивается с такой мощью, как на упрямого фарисея Савла на дороге в Дамаск, но каждый может обрести в себе божественную благодать и мощь, если сильно того пожелает: такова мысль автора. И пусть не напрасно пересекает площадь храмовый стражник, непрестанно напоминая о кануне субботы, то есть о близости Бога.

Действующие лица

(В порядке появления)

БАЛАГАНЩИК

САВЛ из Тарса, студент иерусалимской академии раввинов, палаточный мастер, будущий апостол Павел

СТРАЖНИК из стражи Храма

ДИМОН Галилеянин, сикарий (кинжальщик)

БАРБУЛА, римский центурион

ПЛАЦИД, римский легионер

ЮНИЯ, жительница Тарса, троюродная сестра Савла

ИОСИФ, продавец птиц, сосед Лазаря

ЛУЦИЙ, римский военный трибун

ПЛАКАЛЬЩИЦА, женщина в черном

ЛУКА, грек из Антиохии, врач, апостол из семидесяти, будущий евангелист

НИКОДИМ, преподаватель иерусалимской академии раввинов

МАРФА, сестра Лазаря

ЛАЗАРЬ, богатый житель Вифании

СИМОН, сосед Лазаря

МАРИЯ из Магдалы, приемная сестра Лазаря и Марфы

ИУДА Симонов, иерусалимский искарот (житель пригорода)

ГАМЛИЭЛЬ, глава иерусалимской академии раввинов

АНДРОНИК, апостол из семидесяти

ПЕТР, галилейский рыбак, будущий апостол из двенадцати

ИОАНН, галилейский рыбак, будущий апостол из двенадцати, евангелист и автор Откровения (Апокалипсиса)

ХАКЕР

Действие происходит около 30-го года I века н. э. в Иерусалиме, Вифании (близ Иерусалима), Тарсе киликийском и на дороге из Самарии в Дамаск.

Сцена в первых шести картинах представляет фрагмент площади Храма Ирода Великого; при этом мы видим храмовую площадь со стороны Иерусалима, как бы сквозь западную стену Храмовой Горы (теперешнюю Стену Плача).

Тексты музыкальных номеров скомпилированы из «Песни Песней Соломона» и 22-го Псалма Давида. Новозаветные книги цитируются без кавычек и ссылок.

Пятница первая

БАЛАГАНЩИК. *(Со шляпой в руке).* Почтеннейшая, драгоценнейшая публика! Мой ослик отдыхает от долгого пути, и наш балаган открывается, и мы готовы представить вам нашу мистерию о святом апостоле Павле. А вернее – о том, как некто по имени Савл стал Павлом, тринадцатым апостолом, понесшим в дальние страны благую весть об Иисусе из Назарета. Если мы дерзаем дополнить древние предания, то оправдываемся тем, что люди, записавшие эти предания, имели в свое время свои причины о многом умолчать и о многом говорить загадочно, иносказательно. Будьте же щедры, сегодня – воскресенье! Утром вы оставили ваши монетки в церковном ящике: заметьте, балаганщик тоже, как и священник, взывает к *сердцу* человека, а не только к его кошельку. Актеры не обещают вам спасения души за ваши взносы, они надеются лишь немного размягчить ваши сердца – чтобы глас Божий раздавался в них чуть слышнее. И тогда, быть может, кто-то из вас накормит моего осла. Итак, Пятница Первая! *(Уходит).*

Сцена изображает западную колоннаду площади иерусалимского Храма. Вдали, над восточной галереей – Масличная Гора. Слева – Храм. У правой кулисы – палатка; перед ней, на земле – предметы ремесла шивателя палаток. Отдаленный шум рынка из южной галереи. Из палатки выходит Савл, садится за работу. Проходит Стражник.

СТРАЖНИК. Канун Субботы! Канун Субботы в Иерусалиме! Канун Субботы!

Стражник уходит. Вбегает Димон в окровавленной одежде, озирается.

ДИМОН. Бог Израиля да будет с тобою, юноша! Ты ведь – Савл, палаточный мастер?

САВЛ. Кто ты? Откуда знаешь мое имя? **ДИМОН.** Я слышал о тебе: ты – из фарисейской школы. Я тоже – фарисей, но мое имя тебе лучше не знать. Солдаты ищут меня, позволь укрыться в твоей палатке!

САВЛ. На тебе – кровь! **ДИМОН.** Не медли: если римляне схватят меня, то подвешат гвоздями на столбе!

САВЛ. Прячься!

Димон скрывается в палатке. Вбегают Барбула и Плацид.

БАРБУЛА. *(Плациду).* Оглядишься кругом, он – близко. Будь осторожен.

Плацид убегает.

(Савлу). Привет тебе, Савл! Как работа? Есть заказы?

САВЛ. Да, нужно закончить две палатки до Субботы.

БАРБУЛА. И кто заказчики?

САВЛ. Среди ваших – много сирийцев, центурион. Они не любят спать в казарме.

Плацид возвращается.

ПЛАЦИД. *(Барбуле).* Его здесь нет.

БАРБУЛА. *(Савлу).* Скажи мне, студент Савл, в вашей академии учат лгать?

САВЛ. Истинный фарисей всегда помнит, что правдивость в речах угодна Богу.

БАРБУЛА. Тогда ответь мне, ты видел чернобородого иудея, со шрамом во всю щеку, в окровавленной одежде? Мне тоже угодна правдивость твоих речей!

САВЛ. Половина иудеев чернобороды. Я видел бежавшего человека, но не разглядел его.

БАРБУЛА. Куда он бежал?

САВЛ. В сторону рынка.

БАРБУЛА. *(Делает знак Плациду; тот убегает).*

Хорошо, если так. Там ему от нас не уйти, там много солдат. Но если сейчас ты сделал неуютное твоему Богу, фарисей Савл, он покарает тебя с *моей* помощью. Это говорю тебе я, центурион Барбула!

Барбула уходит. Из палатки выходит Димон.

САВЛ. Ты ранен?

ДИМОН. Это – кровь римского солдата. Я запачкал ею твою палатку; тебя заподозрят. Порежь себе руку – скажешь, что поранился нечаянно. Вот нож! *(Лезет за пазуху).*

САВЛ. У меня есть мой рабочий нож. *(Берет из кучи у палатки нож и лоскут ткани).*

ДИМОН. Дай посмотреть! *(Берет у Савла нож и возвращает).* Неплохой нож! Сгодится не только для шитья палаток! Сможешь? *(Савл надрезает себе ладонь и хочет обернуть ее тканью).* погоди! *(Надрезает свою ладонь и сжимает ею ладонь Савла).* Теперь мы – кровные братья! Я перевяжу тебе руку. *(Перевязывает).* Ты отвел от меня опасность и навлек ее на себя. Я не забуду этого. Хочешь уйти со мной?

САВЛ. Куда и зачем? И кто ты?

ДИМОН. Я – Димон Галилеянин, объявленный вне закона. Я – из галилейских zelотов, из кинжальщиков. Мое прозвище – Смерть, по-гречески – Дисмас. Я убил много римлян.

САВЛ. Я слышал о тебе.

ДИМОН. Ты услышишь больше, говорю тебе! Мерзкие язычники скоро пожалеют, что их сандалии топтали священный Сион! Мы заставим их выплакать кровью обиды, что терпит от них народ, избранный Богом! Иерусалим станет ужасом для их правнуков! Я знаю, ты – честный фарисей, ты любишь Бога. Идем с нами сражаться за нашу веру!

САВЛ. Я не умею убивать.

ДИМОН. Никто этого не умеет от рождения! Заставь себя раз, а потом будет легко – как руку порезать. Мой товарищ, Геста, научит тебя. Он режет легионеров, словно ягнят на Пасху. Убийство врага Израиля угодно Богу!

САВЛ. Я подумаю над этим. Тебе нужно уходить.

ДИМОН. Думай, Савл! Думай скорее! Центурион подозревает тебя. Я постараюсь сделать так, чтобы он не успел тебе навредить. Бог да хранит тебя и весь Израиль! *(Уходит).*

САВЛ. *(Один).* Прощай... Сколько боли в этом человеке! Он утоляет ее кровью врага. Он – герой. Я тоже ненавижу этих тупых вояк, что разгуливают по Храмовой Горе, как хозяева. Но я слаб! Кого я могу зарезать?.. О, Иерусалим, ты так прекрасен! Ты пропитан Божьим Присутствием, как твой жертвенник – кровью, что стекает по его желобкам. Этот человек хочет превратить твои улицы в желоба, по которым потекут алые реки. Господи, Тебе угодна такая жертва? Дай мне знак, и я пойду за этим человеком, и не будет Тебе жреца усерднее, кровавее меня! Только дай знак, молю!..

Сцена темнеет. Слышится шум быстрой реки. Видение: Юния.

Но Ты не даешь знака... Ты говоришь со мною совсем об ином! Зачем, Господи, зачем ты посылаешь мне эти видения? Зачем не даешь мне забыть ее?.. Юния, сестра моя возлюбленная! Мы вместе мечтали увидеть эти священные камни – Храм Бога Единого!.. И вот я здесь –

один... шью палатки для римских солдат. И их казарма заслоняет от меня север, куда тянутся мои глаза – к тебе, моя Юния... И за многие мили отсюда я опять вижу это! Опять: ты и река! Все в тот же час ты бродишь по берегу Кидна: в тот самый час, когда я встретил тебя там и полюбил в один миг. И мы пошли с тобой рука в руке, и быстрый Кидн сверкал и нес в море свои холодные воды, а ты читала мне греческие стихи... Римское воспитание не мешало тебе понимать Тору. Ты вечно смеялась над моей фарисейской строгостью, но оттого нравилась мне только сильнее. В твоих устах мне не было досадно даже мое *римское имя*.

ЮНИЯ. Павел! Мой Павел! Я смотрю на юг, и мне кажется, что ты слышишь меня...

САВЛ. (*Поет*).

Пленила ты сердце мое, сестра моя невеста;
Пленила ты сердце мое одним взглядом очей твоих,
Одним ожерельем на шее твоей,
Ибо крепка, как смерть, любовь.

ЮНИЯ. Я всегда чувствовала тебя... Я всегда знала, что ты – необычный, мой Павел...

САВЛ. Опять она говорит со мной, будто догадывается, что я слышу ее!

ЮНИЯ. Но теперь я чувствую тебя сильнее. Моя лихорадка будто несет меня к тебе...

САВЛ. Боже милосердный, она больна!

ЮНИЯ. Мне и прежде казалось часто, что твоя душа вдруг входит в мою, хотя тебя нет рядом. А теперь, когда болезнь сжигает меня, я будто слышу твой голос...

САВЛ. Господи, ты и на нее обрушил недуг?! За что?.. Приступ уже одолевает меня. (*Дрожит*). Всякий раз – эта расплата! Господи, не щади меня, но спаси ее! Я предал ее ради верности *Твоему Закону!* (*Падает в судорогах*).

Юния исчезает во тьме. Сцена светлеет. Входят Барбула и Плацид.

БАРБУЛА. Э, да у него – падучая! Беги-ка за врачом!

САВЛ. (*Приходя в себя*). Не нужно врача. Мне уже лучше.

БАРБУЛА. Тебе не стоит жить здесь одному, студент Савл, если у тебя такая болезнь.

САВЛ. Это – ничего, это быстро проходит.

БАРБУЛА. Смотри, чтоб не узнала храмовая стража... (*Плациду*). Ты свободен, Плацид.

Плацид уходит.

(*Савлу*). Скажи-ка мне, что это за пятно на твоей палатке? Похоже на кровь!

САВЛ. Я поранился, когда резал веревку. Вот этим ножом. (*Берет нож*).

БАРБУЛА. Пусть так. Но мы не нашли того, кого искали. Его *не было* на рынке, Савл! А деться ему было некуда... Мне придется доложить о тебе! (*Уходит*).

Входит Иосиф, неся клетки с голубями и мешок. Его догоняет Плацид. Савл с ножом прячется за колонну.

ПЛАЦИД. Постой, иудей! Что в твоём мешке?

ИОСИФ. (*Останавливаясь*). Я – бедный человек.

Что ты хочешь от бедного человека, римлянин? Что говорят тебе глаза твои? Ты видишь, я продаю птиц. Этого здесь никто еще не запретил. Бедным людям нужны маленькие птички, чтобы их заколоть и отдать священнику для жертвы! Что говорят тебе глаза твои?

ПЛАЦИД. Мои глаза говорят мне, что у тебя в руке мешок, но не говорят, *что* в нем. Что-то другое говорит мне, что там – не птицы. Очень тихо в твоём мешке. Развяжи его.

ИОСИФ. *(Несмотря на то, что развязывает мешок)*. Птицы в мешке не поют!

ПЛАЦИД. *(Достает из мешка рыбу)*. Особенно такие. *(Бросает рыбу обратно)*.

ИОСИФ. *(Застывает)*. Ну да, рыбка... Вы, римляне, любите рыбку! Кто-то же должен для вас ее доставить, вот, пожалуйста! Купи у меня рыбу, добрый солдат, я не возьму дорогого с такого молодца...

Проходит и уходит Стражник, возглашая: «Канун Субботы!». Савл прячет нож за пазуху.

Ой! Храмовая стража! *(С испугом хлопывает мешок)*. Не выдавай меня, солдатик! Я угощу тебя отличной рыбой и не возьму денег, пусть только уйдет стражник...

ПЛАЦИД. А рыба твоя – не тухлая?

ИОСИФ. Тише, умоляю! Рыба – свежайшая: всего час, как я выловил ее в пруду у Лазаря!

ПЛАЦИД. И кто этот Лазарь, у которого ты ворует рыбу?

ИОСИФ. Что ты такое говоришь?! Да я бы отсек себе обе руки, если бы хоть одна из них посягнула на добро нашего Лазаря! Это же – такой достойный человек, богатый, но благочестивый! Он жалеет таких бедняков, как я. Его дом – самый большой у нас в Вифании. Это – там *(указывает на гору)*, на Масличной Горе, только немножко с той стороны. Так моя лачуга – совсем близко от дома Лазаря, и этот достойнейший человек позволяет мне накануне Субботы половить в его пруду немножко рыбы...

ПЛАЦИД. Ладно, давай сюда твою рыбу.

ИОСИФ. *(Доставая рыбку из мешка)*. Вот, ешь на здоровье, добрый человек!

ПЛАЦИД. Это – мало. *(Тот достает вторую рыбку)*. Мало. Давай всё. *(Берется за мешок)*. Ты стар, тебе тяжело это таскать, хватит с тебя и птиц.

ИОСИФ. *(Удерживая мешок)*. Но я – бедный человек, не отнимай у меня последнее!

ПЛАЦИД. Ты – жадный человек. А я – нет: мне не жалко отдать твой мешок вашим храмовым стражникам, которых ты боишься больше, чем римских солдат. По-моему, тебе лучше отдать рыбу *мне*. *(Отнимает мешок и хочет уйти)*.

Входит Луций.

ЛУЦИЙ. Стоять, солдат!

ПЛАЦИД. Трибун! *(Вытягивается, отдает честь)*.

ЛУЦИЙ. А, это ты, Плацид... Верни-ка этому иудею его мешок, и будь поблизости.

Плацид повинуется и уходит.

(Иосифу). Иди, старик, продай свою рыбу в другом месте. Ты знаешь не хуже моего: здесь продают только то, что годится для жертвы. Порядок есть порядок.

Иосиф уходит.

(Савлу). Так. Ну, а ты – кто? Почему прячешься?

САВЛ. Я – Савл. Я – студент, я изучаю Тору. Мой учитель – Гамлиэль.

ЛУЦИЙ. Гамлиэль мне известен. Значит, ты посещаешь его академию... забыл, где она?

САВЛ. Здесь, сразу за мостом, по левой руке.

ЛУЦИЙ. Верно. Ты – иерусалимлянин?

САВЛ. Нет, я – родом из Тарса киликийского.

ЛУЦИЙ. А, вольный Тарс, славный город философов на реке Кидне! Не довелось побывать... Но постой... ведь Тарс еще при Августе стал римской колонией, со всеми привилегиями. Выходит, ты – римский гражданин?

САВЛ. (*Нехотя*). Да. От рождения.

ЛУЦИЙ. Тебе повезло, Савл из Тарса! Я сам – каппадокиец, моя родина – недалеко от твоей Киликии. Но мне, чтобы стать командиром, пришлось *купить* римское гражданство... Однако, Савл, как римский гражданин ты должен иметь римское имя.

САВЛ. (*Через силу*). Мое римское имя – Павел.

ЛУЦИЙ. Павел... Ты неохотно его произносишь. Ты не любишь свое римское имя? Стыдишься римского гражданства? Говори, не бойся меня!

САВЛ. Я не боюсь! Я – не Павел, я – Савл! Моя мать назвала меня именем первого из царей Израилевых! Я – иудей! Я никогда не буду зваться Павлом!

ЛУЦИЙ. Ну, как знать! Не горячись так... Впрочем, ты мне нравишься. Я люблю горячих молодых людей, какого бы племени они ни были. Но твой нож, который ты прячешь за пазухой, ты должен мне отдать. Я желаю тебе добра. Дай мне его. (*Савл отдает нож*). И ты рассчитывал вот этим вот убить Пластида? Он – сильный и опытный воин, а ты не больно-то крепок на вид. Ты не похож на тех, кто нападает со спины. Но даже если б ты ударил Пластида сзади, вряд ли ты уцелел бы. Ты бы погиб в любом случае. Ради чего? Ради старика-птицелова? Кто он тебе?

САВЛ. Он – мой соотечественник! У нас с ним – один Бог. Мы все, иудеи – дети одного Бога, поэтому мы – братья друг другу. Язычнику не понять этого.

ЛУЦИЙ. Отчего не понять? Вы все – братья, поэтому, чуть что, вы режете друг другу глотку, как все братья на свете. Но это – ваше дело. Мое дело – не допускать, чтобы резали глотку моим солдатам. По возможности... Ты же – фарисей, Савл, ты живешь по заповедям. «Не убей», «не лжесвидетельствуй», так ведь? За четверть часа ты нарушил две заповеди: солгал, чтобы сбить солдат со следа убийцы, и сам замыслил убийство.

САВЛ. Я не замышлял убийства. Мне просто нужно было понять, поднимется ли моя рука на убийство. Я хотел это понять, сжимая нож в руке!

ЛУЦИЙ. И что ты понял?

САВЛ. Что я не могу вонзить нож в человека.

ЛУЦИЙ. Ну и что мне с тобою делать, студент Савл?

Ты уже не так юн, чтобы отвести тебя к твоему учителю и велеть ему наказать тебя. Может, ты просто дашь мне слово – не пытаться убивать римских солдат? Я поверю.

САВЛ. Если я дам слово, я не смогу его нарушить. Но я не дам слово из одной трусости.

ЛУЦИЙ. (*Подумав*). Попробуем так. Меняемся: мое слово – на твое слово.

САВЛ. Какое слово хочешь *ты* мне дать? **ЛУЦИЙ.** Придумай сам. Я – военный трибун, у меня есть власть. Я могу многое сделать.

САВЛ. Ты хочешь купить мое слово? Чего бы я ни попросил взамен? Ты так дорого ценишь слово незнакомого тебе иудея?

ЛУЦИЙ. Ты уже достаточно мне знаком, и я *ценю* твое слово.

САВЛ. Позволь спросить тебя. **ЛУЦИЙ.** Спрашивай. **САВЛ.** Ты только что, перед твоим солдатом, заступился за старика-иудея, торговавшего рыбой вблизи Храма. А сейчас хочешь отпустить под честное слово иудея, замышлявшего убить твоего солдата?! Почему ты добр к иудеям?

ЛУЦИЙ. Если я скажу тебе правду, ты дашь мне твое слово?

САВЛ. Да. **ЛУЦИЙ.** Иудей спас моего сына. Мой сын был очень болен. Он умирал. Врачи, каких я мог привести к нему, были бессильны. И тогда мне сказали об одном бродячем

раввине. Он в ту пору гостил здесь неподалеку, в Вифании. Я хотел было послать за ним центуриона с парой солдат, но передумал и поскакал в Вифанию сам. Едва увидев этого человека, я почувствовал необъяснимую уверенность: ему не нужно идти со мною в мой дом! Достаточно, чтоб он *пожелал* вылечить моего сына! И я сказал ему это. Он удивился и промолвил: «Такого я не встречал и среди Израиля». Потом улыбнулся мне и сказал, что я могу вернуться домой, сын мой здоров. Так и вышло.

САВЛ. И как же звали того чародея?

ЛУЦИЙ. Его называют Иисусом Назарянином.

САВЛ. Иисусом Назарянином...

ЛУЦИЙ. Так ты даешь слово?

САВЛ. Клянусь никогда не поднимать руку на римских солдат.

ЛУЦИЙ. Ты не заметил, как поклялся Иисусом Назарянином!

САВЛ. Это вышло нечаянно. Что ж из того?

ЛУЦИЙ. Для меня – много. Ты поклялся именем живого бога.

САВЛ. (*Гневно*). У меня один Бог! Я – не язычник, я не верю, как ты, в живых богов!

ЛУЦИЙ. Мне важно, во что верю я.

САВЛ. О Боже, опять!

Вспышка, тьма, затем видение: Юния.

(*Луцию*). Ты, конечно, не видишь ее...

ЛУЦИЙ. Кого? **САВЛ.** Вон там, девушка в голубом плаще!

ЛУЦИЙ. Там ничего нет, кроме галереи. Ты бредишь?

САВЛ. Я не знаю *как*, но в это время я всегда вижу то, что происходит с нею там, в Тарсе.

ЛУЦИЙ. Кто она? **САВЛ.** Юния, моя возлюбленная, которая никогда не будет моей!

ЛУЦИЙ. Почему? **САВЛ.** По матери она – иудейка. Но ее отец и отец ее отца – *не иудеи!*

ЛУЦИЙ. Ах вот оно что! И кто же виноват?

САВЛ. Сестру моего деда соблазнил римский центурион. Он увез ее к себе в Иллирию. Овдовев, она вернулась в Тарс с дочерью, мечтая выдать ее за соплеменника. Но в Тарсе не нашлось иудея, пожелавшего бы оскверниться таким браком. Девушку взял в жены юноша из римской семьи. От их союза и родилась Юния.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.